

деніе указывало, что вѣковое тяготѣніе азіатской власти, передъ которою унижались самые правители, не могло не отразиться вредными слѣдствіями не только на жизни государства, которую оно угнетало, но и на характерѣ народа, въ которомъ—не говоря объ извращающихъ вліяніяхъ насилія—подавлялись стремленія и средства къ просвѣщенію. Татарское иго не уничтожило народной живучести: народъ уже успѣлъ къ тому времени сознать свою особность и достоинство; христіанство прочно утвердилось въ немъ представленіе о превосходствѣ его надъ «погаными» и «невѣрными»; подъ игомъ государство успѣло сплотиться до того, что, наконецъ, свергло это иго и подчинило татарскія царства,—но уже тѣ приемы, къ какимъ должны были прибѣгать «собиратели» и въ которыхъ такую большую долю занимали коварство и насиліе, тѣ страшныя, и часто (можно думать) ненужныя жертвы, какія были принесены единовластію, были тяжелымъ и прискорбнымъ наслѣдіемъ ига и надолго оставили свой отпечатокъ на внутреннемъ бытѣ государства и общества, отпечатокъ, къ сожалѣнію слишкомъ часто подновляемый позднѣйшими событіями. Одной изъ такихъ жертвъ былъ Новгородъ; его уничтоженіе было насильственнымъ истребленіемъ цѣлой области чисто народной жизни, уничтоженіемъ одного изъ путей народной самостоятельности, промысла и просвѣщенія.

Московское политическое объединеніе и характеръ московскаго царства уже съ сороковыхъ годовъ были предметомъ спора,—онъ продолжается и доннѣ. Для однихъ (особливо славянофиловъ, въ послѣдніе время и г. Забѣлина) московское царство было полнымъ воплощеніемъ русскаго народнаго духа, чисто національнымъ созданіемъ; его исключительность казалась истиннымъ національнымъ достоинствомъ; отступленіе отъ его обычаевъ и преданій казалось измѣной народности. Болѣе спокойные изслѣдователи (въ ряду ихъ были Соловьевъ; Кавелинъ; Бестужевъ—по крайней мѣрѣ въ прежнее время) признавали великое національно-историческое значеніе московскаго «собиранія» и частію защищали необходимость жертвъ, но находили, что въ характерѣ московскаго царства XVI—XVII вѣка отразились какъ византійскія идеи власти, внушаемыя со времени принятія христіанства и закрѣпленныя послѣ паденія Константинополя, такъ и вліянія татарскія, со временъ ига, а потомъ покоренія татарскихъ царствъ: слѣдовательно, складъ этого быта трудно было счесть именно и исключительно русскимъ, трудно было увидѣть въ немъ, во-первыхъ, чисто самобытное, во-вторыхъ, вполне завершенное созданіе народнаго духа; и, напротивъ, надо было ви-